

© Лондонская премия представляет писателя ©

МИХАЭЛЬ КАЗАКЕВИЧ

**ПО БЕЛОМУ ОГНЮ
ЧЁРНЫМ ОГНЁМ**

Сборник стихов

Лондонская премия представляет писателя

Михаэль Казакевич

По белому огню чёрным огнём

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Казакевич М.

По белому огню чёрным огнём / М. Казакевич — «ИП Березина Г.Н.», 2020 — (Лондонская премия представляет писателя)

ISBN 978-5-00153-227-9

«Читайте, люди, это так необходимо», – говорит в своих стихах Михаэль Казакевич. В недобрый коммерческий век как никогда нужны сильные талантливые стихи, которые не замыкаются на земном и не играют с демоническим, а зовут к Небу. Стихи, с помощью которых человек может заглянуть в себя и увидеть не только злое и неприглядное, но и что-то светлое, ясное. И непременно – дорогу к Нему. Путь к любви и душевной, точнее, духовной гармонии. Читайте Казакевича, люди. Это то, что нам сейчас необходимо.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00153-227-9

© Казакевич М., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

От автора	7
По белому огню чёрным огнём	8
Да, не поэт	9
Псалмы	10
Скорость изменения души	11
Ваши раны наших душ	12
Главному редактору альманаха «Альтернатива»	13
День Творца	14
Время	15
Души колючие	16
Алло, Всевышний	17
Я ромашка, где ты, тополь?	18
Путь в счастье	19
Когда кончаются слова...	20
Я уйду от вас, люди...	21
Равнодушья вокруг тряпье	23
Времена года	24
Секрет	25
Буквы на камне	26
Учите ноты, господа	27
По ту сторону веры	28
Это вера, это трудно	29
Дороги	30
Боль седьмого неба	31
Не буди лихо	33
Крик рога	34
Очнитесь, прошу вас	35
Миссия невыполнима	36
Вечный солдат	37
Дальше ангел скажет	38
Манифест веры	39
Двуединство	40
Сделаешь, Ты – Бог	41
Ошибся, с кем не бывает	42
Здесь победителей не судят	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

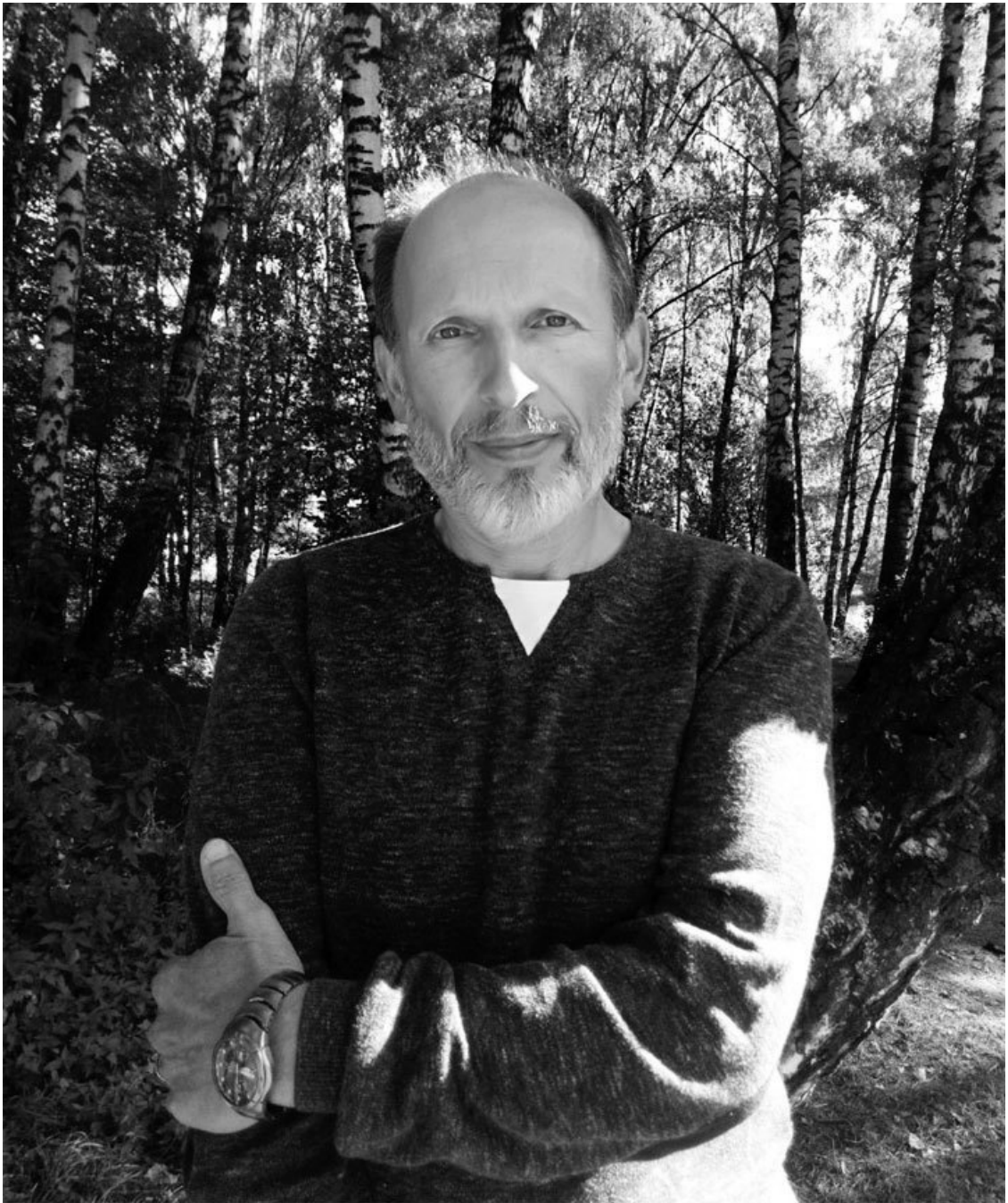
Михаэль Казакевич

По белому огню чёрным огнём

© М. Казакевич, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

* * *

Поэт написал три книги стихов (одну из них вы держите в руках), озвучил четыре аудиокниги, он гордый отец четырех сыновей, умеющий ценить жизнь и время, любящий море и горы, ищущий Бога.

Его поэзия не результат кропотливого труда, но чудо экспромта алхимика. В ней смесь из любви, молитв, философских диалогов, сказок, юмора и притч. Автор имеет смелость утверждать, что стихи ему диктуют души поэтов прошлых веков, сам же он только выходит с ними на связь в спиритических сеансах.

Доказать это он, конечно, не может, но иногда просто удивляет своих читателей неожиданно волшебными текстами.

Поэт пишет стихи уже три с половиной года, и каждый день – новый стих.

Подчиняясь требованиям душ из прошлого, а возможно, советам своих друзей, он начал систематизировать свои стихи и печатать книги.

Чем-то поэт, конечно, награжден, но этим не гордится. Остальное – в стихах.

Спешите их читать, но не торопитесь прочесть. И знайте: в то время, когда вы читаете эти строки, поэт продолжает творить.

От автора

*А Бог не с каждым вдруг вступает в диалог
И не нальёт за просто так стаканчик чая.
Так трудно жить, когда тебя не выбрал Бог,
Но не печалься, к смерти точно полегчает.*

Из стихотворения «Алло, Всевышний»

Представьте себе фантастический сюжет. Люди – это души, надевающие на себя тела, живущие для того, чтобы что-то найти и исправить в своей жизни, в своей душе и этим влиять на весь мир. Души не умирают. Всё, что создано в духовном мире, вечно. И все кружатся в круговороте событий. Жизнь – это прекрасный шанс. Когда-то была создана одна душа, только одна. Она есть и сейчас, и каждый из нас может для неё сделать что-нибудь хорошее. Только, чтобы сделать, надо почувствовать себя её частью.

Может быть, вас удивит неожиданная терминология автора, называющего душу «светом Творца в измученных бокалах», которую вручают как копию с той единственной Божественной души: «Взял – работай. Целый век работай!» (стихотворение «Боль седьмого неба»). Может быть, кого-то оскорбит тон разговора со Всевышним. Простите автору великодушно, это выражение дружбы. Да, автор и с дьяволом знаком.

Книга эта не для развлечения написана, нет. Она о жизни, о месте человека в ней. Эта книга о любви к Богу, создавшему наш мир и дающему нам жизнь. Написал её человек не столько верующий, сколько знающий. Стоит почитать, хотя бы разок. Вдруг понравится.

И ещё – эти стихи не написаны самим автором. Ребёнка делают трое: мать, отец, а Бог вкладывает в их творение душу. Стихи пишут двое – автор и Бог. Автор поднимает просьбу-молитву. В ответ ему протягивается мудрость духовных миров. Чтобы молитва прорвалась вверх, её надо смочить слезами, доведя себя до состояния «разбитого сердца». Далее наступает техническая часть работы – расстановка знаков препинания. В итоге получаются не стихотворения, но стихосотворения. Поверьте мне, стихосотворение всегда отличается от стихотворения тем, что вызывает в душах читателей те же чувства, которые испытывал сам автор.

Не торопитесь прочесть. Думайте. Отложите на время в сторону и вернитесь позже. Откройте этим словам свою душу. Пропустите через сердце – через оба сердца вашей души.

По белому огню чёрным огнём

Огонь твоих боёв во мне горит.
Мой враг силён, тобою не разбит.
Тугая тетива в бою дрожит.
Стрела стиха тонка, точна летит.

Былых не удержать сражений щит.
Рука моя слаба, не страшен вид.
Ищу я тайный код твоих молитв.
Теряет во мне крик свой грозный ритм.

Желаний не испытать твоих мне боль.
В бою смешаю с кровью пота соль.
Да ноты твои страстные стихов
Не долетят до чёрных облаков.

А веры мало, чтоб развеять грусть.
А вспыхнув раз, опять я не зажгусь.
На миг вам осветив надеждой путь,
Уйду во тьму и больше не вернусь.

Ну а пока течёт моя строка,
Зажжённая рука, моя рука
На тучах неба пишет ночью, днём
По белому огню чёрным огнём.

Да, не поэт

Да, не поэт, ведь не был никогда им.
Да, не жалел, а убивал врагов.
Души замёрзшей лёд топил стихами –
Смывала кровь границы берегов.

Да, мне не прясть, не вышивать на пяльцах.
Играю словом, вынув из печи.
И, обжигая и калеча пальцы,
Краду вам свет, где бьют его ключи.

Псалмы

Проходят годы, исчезают, тают в дым,
И древний Рим застыл у ног Иерусалима.
Я не читаю, я пишу вам Теилим.
Читайте, люди, – это так необходимо.

Простые сыплются из рук моих слова,
И ранят сердце, и меняют людям души,
С меня слетают как осенняя листва.
Я вас лишаю, попадая, равнодушья.

Согрейте дух ваш в свете чудного огня,
Огня души – пока его пылает пламя
И искры сыплются стихами из меня.
Мой храм горит, но я служу сегодня в храме.

Служу стихами и бросаю их в огонь.
И древний Рим застыл у ног Иерусалима.
А эта боль моя – она и ваша боль.
Горит огонь. Не проходите, люди, мимо.

Скорость изменения души

Так, время – скорость изменения души
От «мне давай» сквозь боли, слёзы и печали
И до «дарю вам», «я люблю вас». Поспеши.
Бросай за борт любовь – в стакан пакетик чая.

Пусть за бортом вздымает волны ураган.
Твой растворится быстро чай, окрасив воды.
И вот Всевышний за стаканом пьёт стакан
Твоей любви, а над тобой проходят годы.

И эти волны, на которых ты летишь, –
Они как годы, под которые ныряешь...
Чем больше даришь, тем быстрее получаешь.
Ты не накопишь, не стареешь – растворишь.

Да, время – мера прибыванья доброты.
Спешి меняться, проскочи сквозь непогоды,
В чай выворачивай карман до нищеты,
Дари любовь, спеши – и власть теряют годы.

Ваши раны наших душ

Прочь срываю бинты. Боль незажитых ран,
И качает от запаха крови,
Забываю, не помню, не верю в обман,
Задыхаясь, пьянею от боли.

В мире гипса, бинтов, париков, костылей,
Где фантазиям нет и предела,
Наши души нам трудно исправить быстреей,
Чем заполнить увечное тело.

Ты запомни, что это несложно совсем,
И начни с исправлений желаний.
Только думай с утра, как понравиться тем,
Кто решил перейти в состояние

Абсолютной духовности мыслей и дел,
Абсолютной правдивости строчки,
Где другого любить, как себя, захотел
До последней слезы или точки.

Это правда легко и несложно понять,
Если правду начать уважать нам,
Вот тогда телам души всем станут менять,
И тогда люди станут как братья.

В нашем мире исчезнут и зависть, и лень.
Да, подумай, где зависти браться,
Если плакать с утра за других целый день
И слезы той совсем не стесняться.

Мы срываем бинты вдоль незажитых ран,
Тренируясь, пьянея от боли,
Ваших ран наших душ, для которых обман
Можно вылечить только слезою.

Главному редактору альманаха «Альтернатива»

Причина нашего отказа состоит в том, что наши эстетические критерии понимания поэзии не соответствуют содержанию Ваших стихов.

Ваши стихи нам непонятны!

– Вы нас простите, непонятны нам стихи.
Вы мир природы и людей не охватили.
Вы лишь хотите стать, но как – не объяснили,
Добра защитником. Смущают нас мечты.

Нам пожевать ваш стих, но не переживать
Ни вашу боль, ни взрывы чувств, ни крики, клятвы.
Нам эстетическое чувство наше свято.
И мы не станем ваше творчество читать.

– Вас так учили. Понимаю, господа.
Летать под солнцем, есть и пить всё те же блюда.
А я учу вас неземное видеть чудо.
Его постигнуть, оттолкнуться навсегда

И оторваться от себя и суеты,
И вознестись, отвергнув разум, время, место,
В астрал войти. Забыл, что вам неинтересно.
Могу и прозой, в прозе много красоты.

В наш мир тревожных интернетных скоростей
Порой стихи летят быстрее ракет и мыслей.
Ты думай сердцем. Думай правильно и быстро.
Мир сердца требует язык стихов-страстей.

Но есть критерий в нашем споре высший – смерть.
Когда душа от тела к Богу, отлетая,
Вернётся плоская, незрячая, пустая,
Ей даже ад не нужен: нечему гореть.

День Творца

Страхи, слёзы, плач в ночи – не вечно это.
Вижу сполохи, огни над нами света.
Вы взгляните в темноту, увидите сами:
«День Творца» встаёт за синими горами.

Но народ у нас – он быстрый на расправы.
– Мало левой, дай ему сильнее справа.
Что познал он и куда зовёт при этом?
Нам не светит его утро дивным светом.

– Я прощаю вас, слепцы, опять прощаю.
Просто сходятся концы – всё объясняю.
Не глазами вы смотрите – в них лишь слёзы.
Тут вокруг вас без колючек растут розы.

– Он нас всех за дураков опять считает.
Он за это барыши там получает.
Лезет к нам в монастыри и воды мутит.
Что он видит? Что он знает? Кто он будет?

– Понастроили вокруг вы сплошь заборы.
За заборами ракет колючий ворох.
В мир несут с собою смерть ракеты ваши.
Вы слепцы, а страх вам жизни этой краше.

– Страх – опора он границ, основа мира.
Он поганец враг. Врёт вражья его лира.
Били, бьём и бить мы эту гадость будем.
Забирай свои стихи – их вмиг осудим.

– Вы летите – ваш полёт летучей мыши.
И от «Дня Творца» поедут ваши крыши.
И от света, коль ты слеп, не станешь зрячим.
Ночь – ваш день, и страх в ночи слезами плачет.

Время

Плачь – за всё заплачено.
Бей, палач, ведь по плечу.
Выбор мой – растрчено
Всё, чем платят палачу.

Стыд летит над бездною.
Жжёт огонь ступеней след.
Вновь застыть полезно мне,
Вновь пройти по лезвию,

Вспомнив миг, когда мой свет
После многих долгих лет,
Отворив замков секрет,
К телу путь нашёл средь бед.

Ах, теперь простыл и след
Тех побед – их больше нет.
Вот идёт седой палач –
Время! Плачь ему, не плачь...

Так...

Плачь! За всё заплачено.
Жги, палач! Ведь по плечу.
Нет любви! Растрчено
Всё, чем платят палачу!

Души колючие

Страх – соболезную, боль перечувствую.
Тяжко в аду, я там душу ищу твою.
Круг, а за ним другой, где же ты, боже мой?!
Сердцем и мыслями, жар его кожею.

Просто молюсь за вас, станьте красивыми,
Славьте Всесильного, суд его – милость нам.
Сгнившее тело забудьте одеждами.
Вечными, добрыми пойте над безднами.

Тяжко нести свою душу колючую,
Душу, привыкшую жить просто случаем,
Грешную, полную мыслями полыми.
Сил моих нет, и мы падаем голыми.

Люди, поверьте мне, рай – он, проверено –
Каждого ждёт, только судьи уверенно
Будут судить, и кругами расходятся
Муки душ. Полнится криками, полнится

Ад, что ждёт каждого, будьте уверены.
Умер, молюсь за души воскресение.
Боль её тысячекратно умножена.
Каждый судим, каждый час. Прости, Боже мой!

Алло, Всевышний

Алло, Всевышний, будь всегда благословен.
Твои святые мысли – разве наши мысли?
Свобода – счастье, но сдаюсь Тебе я в плен.
И это рабство – всё, что есть у меня в жизни.

Алло, Всевышний, надоем Тебе опять.
В Твоих садах цветут магнолии и вишни.
А сделай чудо: пусть струится время вспять.
Ведь было счастье, из которого все вышли.

Оставь мне только опыт дней и опыт слов.
Я обещаю не срывать без спроса груши.
И если Ты вернуть родителей готов,
То я готов Тебя и их сегодня слушать.

Дай мне глаза, чтоб видел ангелов я рать,
Что вылетает по малейшему приказу,
Чтоб нас учить, дарить, судить и убивать.
Свою я смерть сам позову, эту заразу.

Я сам вернусь к Тебе, как только захочу,
Когда пойму, что моё время обмелело.
Горит свеча любви, не дуй Ты на свечу.
И я молю: не забирай меня из тела.

Алло, Всевышний, много горя на Земле.
Здесь не цветут Твои магнолии и мысли.
Но только ангелы купаются в золе –
Золе из слов, из наших дел, из наших жизней.

Я так мучительно и пламенно молю
И я пою себя Тебе теперь стихами.
Да, весь в огне, с Тобой из Ада говорю.
Ты дуй на раны, Боже правый, не на пламя.

Так будь сегодня и всегда благословен.
Не хватит сердца мне постичь святые мысли.
Я присягнул любить и верить без измен.
Ты только время поверни мне в детство быстро.

А Бог не с каждым вдруг вступает в диалог
И не нальёт за просто так стаканчик чая.
Так трудно жить, когда тебя не выбрал Бог,
Но не печалься, к смерти точно полегчает.

Я ромашка, где ты, тополь?

*Вот вырастают наши дети,
Которым больше и не светят
Ни наш пример, ни наша вера –
Краеугольный камень белый.*

Люблю молиться не комбатом,
Простым прикинувшись солдатом.
Сам в штаб кричу, как в сорок пятом:
«Огня подбрось нам по квадратам!»

А мой Господь – он «парень» добрый.
Он Сталинград помнит на Волге,
«Оставлен город Севастополь»
И «Я ромашка, слышишь, тополь?».

И вой моторов в небе чистом,
И тело мёртвое связиста,
Зубами стиснувшего провод.
Теперь не дам вам сдохнуть повод.

Ты что, Господь, помилуй, спятил?
Не сорок первый, сорок пятый.
Да, я мешаю, да, я снова.
Хреново, Батенька, хреново!

И я молюсь за наши души,
Что в грязь измазаны по уши.
Ты дай нам, Господи, услышать,
Что только ранен «тополь», дышит.

И вырастают мои дети,
Мне есть им что сказать при свете,
Сидим в землянках, ночь, нет слова.
Хреново, Батенька, хреново!

Путь в счастье

Наш разум скачет в колесницах страсти.
Рука в мозолях крепко сжала повод.
Теряешь счастье, а страдания часты,
Как боль души, что душит вечный голод.

Простым решением жизнь одарит светом –
Пронзил, как молния, неистов схлынул.
Несутся кони вдоль обрыва к бедам,
Подарком вновь любви найти картину.

Но только страсти не приводят в счастье.
Любви подарок вдруг забрали сразу.
Теперь сквозь боли собирать по капле,
И капли лечат прошлых лет проказы.

Глянь, старый нищий взял, на площадь вынес
Стакан сокровищ из подвалов царских,
А страж стакан тот из руки вдруг выбил:
– Не плачь, старик, ступай назад, пожалуйста.

Дрожит рука. Второй несёт и третий,
Но страж смеётся, рассыпая злато.
Конец приходит – закрывают врата.
– Теперь бери, старик, что вынес свято.

Рука в мозолях крепко сжала повод.
Наш разум скачет в колесницах страсти.
Пусть выбьет жизнь стакан – не плачь, не повод,
Пока открыты врата входа в счастье.

Когда кончаются слова...

*Только ночью души посылаются знаки оттуда,
Оттого всё ночное, как книгу, от всех береги!
Никому не шепни, просытаясь, про нежное чудо:
Свет и чудо – враги!*

Марина Цветаева. «Плохое оправданье»

Только мозг отключив от желания мудрости света,
Милосердия свет ты проси, лишь его сбереги,
Напой коньяком, отключая себя от рассвета,
А души петухов раздари, задуши, истреби.

Только так, не иначе ложатся стихи на бумаги.
Только так по ночам, сдув вуаль сладких снов, их оков,
Воет волком душа отщепенца, бедняги, бродяги,
А души этот вой так понятен всем, ищущим кров.

И пусть брызнет слезою душа незаметно из глаза.
Незаметно о сталь пистолета споткнётся рука.
Чувства кончатся все, огранив основание алмаза.
И нет слов в языке, и рассветом лишь холод курка.

Я уйду от вас, люди...

Рано утром проснувшись, струится из тёплых постелей
И, зевая, сочится сквозь сны за минутой минута
В тишине, без истерик, как будто так надо кому-то,
Из глубоких щелей дрёмы тайных ущелий без цели,
Растекаясь, шумя, наполняет земные маршруты –

Время.

Но затем устремляется вниз, разбудив поцелуем,
Потому что не хочет, не может обратно к истоку.
А мне хочется крикнуть: «Постой! Ну не будь так жестоко.
Успокойся, пожалуйста. Конец всё равно неминуем».
И мы все в его темпе кружимся, танцуем под током.

Пламя.

Оно мир зажигает собой, поглощая, и гладит, и лижет,
Разгораясь, искрясь, свирепея, и мажет, и чистит.
Осторожно! Дашь палец, и руку откусит – не струсит.
Уничтожить лишь Время не сможет, хотя потревожит.
Испугает на миг тем, что птица в лесу загорится

Любви.

И, горящую, вдаль унесёт её ветер попутный,
Заберёт, поднимая с собой, за седьмой горизонт он.
И угроза грозы не поможет – от ног до корон
Поднимаясь, пронзая миры, среди сфер по маршрутам
Она птицу разбудит другую, что спит лет миллион, –

Вечность.

И вдвоём возвратятся на Землю, которая будет
Без любви умирать, возрождаясь, и снова, и снова
Без основы, вращаясь, на честном подвешена слове,
На которой попавшие в плен царства Времени люди
Безуспешно пытаются греться под светом неона.

Полно!

И здесь даже сраженья не будет, и вечность тут судит.
Вечно пламя, в котором та птица любви загорится,
Пронеся свой огонь сквозь небес удивлённые лица.
Станет счастлив, кто в этом родится, постигнет, увидит.
– Я уйду от вас, люди. Не надо – так лучше всем будет.

На время...

Равнодушья вокруг тряпье

Камни душ равнодушием.
Груз тяжёл, и нет сил летать.
Дали кашу нам – кушаем.
Жизнь дадут, и начнём мечтать.

Только время уходит в ночь.
Я, как все здесь, смотрю кино.
Вот и титров проходит дождь.
Как давно он идёт, давно.

Мы читаем, грызя попкорн.
Мне знакомых полно имён.
То всё корни моих грехов.
Как же в зале вокруг темно.

А мне стыдно, ведь видно вам.
Нет артистов – смеётся зал.
Впрямь как голый зашёл во храм.
Скоро свет – всем закрыть глаза!

Понимаю, что это грязь.
Отдираю куски с души.
Света нет – торопясь и злясь.
Стыд волною встаёт – спешу.

Подо мною растёт гора
Разноцветных забрал и кож.
Как на дубе тверда кора!
Не берёт её даже нож.

На коленях лежит душа.
Чтоб не плюнул никто в неё.
За душою нет ни гроша.
Равнодушья вокруг тряпье.

Ведь одену теперь тебя
Чередою из добрых дел.
Солнца луч остриём копья,
Где в обнимку с душой сидел.

Времена года

По улице плыла жара,
И пыль неслась по тротуарам,
Горело небо цветом алым,
Но ветер дул по вечерам.

Напротив лета стыл февраль.
Был холод лют, трещал морозом.
Плевков влетел в сугроб занозой,
Сосулькой льда в него упал.

Но, слава Богу, есть весна.
Зима снимает с плеч одежды,
Там тает лёд, текут надежды,
И кости греют у костра.

А лето сменит осень вновь,
Где листьев хоровод несносен,
Где зелень елей, зелень сосен,
Но замер мир, предав любовь.

Так пусть вращает Землю Бог.
Годами врежет краски в память.
Я тоже красить смог бы пламя.
Я б тоже время красить смог.

Секрет

Там, в конце, за всё, что было, всё получим.
Всё, что смог ты наработать. Жизни бег.
Время лечит, а меня всё время случай
Переносит через годы в новый век.

Вдруг проснулся с верой новой, незнакомой.
Вроде дома. Те же люди, жизнь, борьба.
Только веришь, что всё будет по-другому.
По-другому улыбается судьба.

Этой верой бесконечной, бестолковой,
Что у умных вызывает стыд и смех,
Жизнь сдвигает все привычные основы,
Новым смыслом наполняя слово «грех».

Вдруг болезни и паденья – не расстроят.
Тот, кто просит, тот, кто ищет, – тот найдёт.
Но внутри нас ждёт великий страх и воин,
Ему сдашься, потеряешь, пропадёшь.

С ним бороться – так себе оно дороже.
Его можно только хитро обмануть
Перспективой: лени, славы, царской ложи,
И рывок вверх – только несколько минут.

И очнёшься с новой верой, незнакомой.
Те же боли, те же люди, та же жизнь,
Только смотришь на проблемы по-другому.
Страж твой спит, и ты летишь вдаль и летишь.

А в конце за всё, что было, все получают.
Кто что сможет наработать. Жизней бег.
Время лечит, но меня так лечит случай,
Словно квантовый скачок выносит вверх.

Буквы на камне

На память не надеясь, по утрам
В камнях пустыни взрезал буквы светом:
Клянусь любить весь день и до рассвета
И прочно строить мира стройный храм.

Ни красть, ни убивать – и так живи.
Предать нельзя, пусть стыд и страх до боли.
И тонет камня пыль в моей крови,
Стон сердца камня в каменных мозолях.

Настанет утро завтрашней любви,
Где раны букв затянутся делами.
А сердце храма каменное с нами –
Стучит в груди, и пыль его в крови.

Учите ноты, господа

Совершенное творение завершено и прекрасно.
Все в нём связано логично и едино.
Вы играете на струнах, а порой это опасно,
И душа поёт, фальшивит – снова мимо.

Учите ноты, господа, учите ноты.
Пусть Богу в уши все молитвы наши.
Хорошей вам, друзья мои, охоты.
Вперёд иди – забудь, где ты вчерашний.

Вы сегодня не попали прямо в тему,
И друзья ушли в отрыв, чертог покинув.
Пусть душа заплачет, ощутив измену.
Изменили вы себе – где лень, там мимо.

Идите с Богом, ерунда, понять всё можно.
Вас счастье ждёт за каждым поворотом,
Хоть спрятано, найти его несложно.
Духовное – реальная работа.

Переливы, перезвоны, перестуки
И обычные слова, дела, поступки.
Попытайтесь – просто надо стать святыми,
Не немymi, не простыми, не пустыми.

Учите ноты, господа, учите ноты.
Пусть Богу в уши все молитвы наши.
Хорошей вам, друзья мои, погоды.
Заря встаёт – забудьте день вчерашний.

По ту сторону веры

На вопросы есть ответы,
Открываются ворота,
Пятьдесят замков, дороги
В бездны лет и в глубь планеты.

Льётся время – не напиться.
Пред преградой у истока
Жизни вечного потока
Отражённый свет искрится.

Вы стоите пред престолом
Изначальной главной мысли,
Что творит весь мир для жизни,
И корона ореолом.

Под мостами искр миллионы
Руки рек несут вопросом.
Карты спутаны, наброски.
Лист попал в поток зелёный.

Мир взрывается не плоский,
Разлетаясь на полоски,
На дорожки, перекрёстки,
Отголоски, горстки, блёстки.

Ветры бьют, ласкают нервы.
Высекают звуки слёзы.
Там внизу летают звёзды.
Невесомость, лёгкость веры.

Это вера, это трудно

Как сегодня не хватает в жизни моря!
Суета подножий каменных цунами.
Зонт забыт, дожди идут, а это горе?
Снег пошёл в горах – зима, а горы с нами.

Как сегодня не хватает в жизни чувства:
Чувства боли, чувства страха и молитвы!
А искусство, пусть великое искусство,
Не заменит трепет жизни в поле битвы.

Прочитаю вам стихи свои с порога
И сорву, конечно, голос бестолково.
«Вы опять нам объясняете про Бога...
Повторяетесь, дружок, – оно не ново».

Я хочу вам втолковать, что это вечно,
А не вечно – это каменные джунгли.
Это кровь бежит из вены, это верно,
Это больно, это вера, это трудно.

Как обычно, не хватает в жизни смысла.
Каждый тащится от жизни понемногу.
Наши страсти, наши планы, наши числа.
А молитвы, а тревоги... и дорога?

Дороги

Дороги, дороги, дороги, дороги.
Пороги, пороги, пороги, пороги.
Пороки, пороки, пороки, пороки.
Пророки, пророки, пророки, пророки.

Твой выбор дороги, твой выбор дороги.
В подобии Богу, в подобии Богу.
Удары судьбы за пороки, пороки.
Ведь предупреждают пророки, пророки,
Что непроходимы пороги, пороги.

А дальше работа, святая работа.
Другие тревоги, прорывы, заботы.
И крылья растут у камней для полёта.
Находится в жизнях надёжное что-то.

И снова дороги, дороги, дороги.
Иные заботы, иные пороги.
Другие пороки исправят пророки.
Разглядятся времени быстрые сроки.

Оно остановлено и повторимо.
Не в силе величие Древнего Рима,
А в пыльных, надёжных и верных дорогах.
В нас много пороков для новых пророков.

Боль седьмого неба

Свет Творца в измученных бокалах.
Сердце просит – сердцу снова мало,
Пустотой бокалов и молитвой,
Словно птицей раненой и сбитой.

Верой старой, верой выше смысла.
– Знаешь? – Нет! – Не думай, чувствуй быстро!
Сердцем мудрым честно, вплоть до боли.
Вверх поднимут. Свет тебя напоит.

Раз за разом. Каждый миг молитва.
Чисто поле – снова поле битвы.
Кровь струится в травы, травы, травы.
Здесь граница боя, веры, славы.

Чуть левее – Бога дайте, Бога.
Чуть правее – хватит, очень много.
Надо прямо. Ставит жизнь преграды.
К чёрту славу. Пусть другим награды.

Тел миллиарды. Каждый ищет душу.
Знай, что создал Бог одну, – послушай,
Ксерокс старый сделал много копий.
Взял – работай. Целый век работай!

Палец рубят – боль пронзила тело.
Боль руки, что вдруг осиротела.
Мальчик-с-пальчик – много нас на свете.
Люди – братья. Той души мы дети.

Люди, люди... Боль души едина.
Чувствуй, чувствуй. Дни проходят мимо.
Колот, резан, как ломоть от хлеба.
Небо чувствуй, боль седьмого неба.

Пальцы рубят, боль пронзила душу.
Мальчик умный, крик души ты слушай.
Снег искрится – звёзд полёт с разбега.
Миг – и тает вечной болью неба.

Тел миллиарды. Каждый хочет даром.
Чем ты лучше? Ты горишь пожаром?
Кровь, что масло, мазь дорог и судеб.
Цель прекрасна. Первым, может, будешь!

Чуть левее – прочь уйди с дороги!
Чуть правее – лень сковала ноги.
Надо прямо, в лоб не взять преграды.
Черти рядом: слева, справа, сзади.

Раз за разом. Правда иль отравы?
Крики слышно слева, справа – браво!
Злятся бесы, требуют расправы,
Клятвы кровью. Бой за гранью славы.

Верой старой, верой выше смысла.
– Знаешь? – Нет! – Не думай, чувствуй быстро!
Сердцем мудрым честно, вплоть до боли.
Вверх поднимут. Свет тебя напоит.

Свет Творца в измученных бокалах.
Сердце просит – сердцу слова мало,
Мало песни, искренней молитвы.
Душу смело телом спас разбитым.

Люди, люди... Боль души едина.
Чувствуй, чувствуй. Жизнь проходит мимо.
Колот, резан, как ломоть от хлеба.
Небо чувствуй, боль седьмого неба.

Не буди лихо

Художник рисует маслом батальных событий сцену.
Писатель рисует время – всё то, что смущает глаз.
Пророк нарисует Бога, и в вечность глядят мгновенья,
И время вращает сцены и вальсом вращает нас.

Художник погибнет в битве, артистом войдя в картину.
Писатель войдёт во время, и время сожрёт его.
А вечность сожжёт пророчеств старинную паутину,
Нас звуки закружат танго, не видим мы ничего.

Пусть с музыкой длятся вечно счастливых мелодий звуки.
Пусть вечно летят мгновенья, где трепет сменяет страсть.
Счастливое настроение меняет на радость муки,
А без паутины мухи пророка кусают всласть.

Крик рога

Ну и что, что люблю, что кривые смеются кинжалы.
Пусть устали друзья, опускают в томленье глаза.
Мои бешены кони, и ядом пропитаны жала
Моих слов, что летят вдоль руки, вдоль меча, вдоль ножа.

А не надо стрелять, ведь волшебны несут меня кони.
Ни рука, ни стрела не изменят их радости бег.
Их не надо менять, одуревших от дерзкой погони.
Я в молитву сложу мои песни, и стоны, и смех.

А когда доскачу, доползу, доскажу я простое,
Вот тогда и заплачу, и слёзы пошлю в небеса.
И расступится тьма, как последнее Красное море,
Подарив мне тебя, упадёт утром с неба роса.

Вот тогда к небесам в благодарность смиренные звуки,
И крик рога кривого восславит рожденье звезды.
И я сына учу разжимать его детские руки,
Научу отдавать, чтоб спасти этот мир от беды.

Очнитесь, прошу вас

Вопль матери, видящей муки детей,
Детей, что отняли, украли из дома.
Кричит, их зовёт сквозь зеркал чёрный омут.
В стекле отражение – бей его, бей.

Кто может помочь ей, кричащей во тьму,
И детям, которые гибнут и тонут?
Бросаюсь на помощь за зеркало в омут,
Там мудростью глупость и злость заменяю.

Не хватит, где плещется море беды,
Где святости искры мерцают сквозь пошлость,
Молюсь за них нынешних, будущих, прошлых.
Лишь тают слова в толще соли воды.

Тогда я хватаю одну и люблю,
А море шальное любовью играет,
А я не сдаюсь, а волна не пускает,
И пью я волну, и тону, и тону.

Что будет? Зависит от вас и от вас,
От всех, кто не умер, кто ходит по кругу.
Очнитесь, прошу вас, подайте нам руку.
Любовь ещё может, ещё её час
Не пробил, и катятся слёзы из глаз.

Миссия невыполнима

– Зачем притащил сюда грязное смертное тело?
Не стыдно в жизнь голым войти. Раздевай этот смрад.
Горел ты в огне? В тебе пошлость и гадость сгорела?
Снимай у порога, входи – возвращайся к нам, брат.

Все ждали тебя. Доложи: что ты видел и знаешь?
Что делают те, кто с тобою составил отряд?
Нашли вы любовь? В этом мире, как прежде, страдают?
Их можно спасти? Так быстрее возвращайся назад!

– Там море я видел – великое горькое море.
Там люди без глаз и с глазами, что пьют и снуют.
Так мало там счастья, которое чувствуют горем.
Так много там горьких законов, судов и минут.

Все наши пропали, исчезли, их съели, убили.
Я прятался долго, молчал, собирал компромат.
Насилье там правит. Везде. Очень много насилья.
Там сам ты не знаешь, кто брат. Растворился отряд.

Там страх, наливая, несут по домам и по душам,
И совесть голодная связана, с заткнутым ртом.
Там правят обман, равнодушие. В чести равнодушие.
Там плачут, когда к ним палач в духоте входит в дом.

Пьют и мечтают порою, но лучше б молчали.
Там любят. Да, любят: себя, говорить и пытаться.
Детей там немного, всё меньше и меньше рожают.
Всё больше копают в земле, ожидая наград.

Там все умирают в постелях, уставшие за день,
Глаза открывают, забыв и страдания, и боль,
И снова страдают, гордясь тем, что могут нагадить,
И верят, что это любовь, что не будет другой...

– Так что ж ты боялся сказать это громко и честно?
Был послан спасать, не молчать, и не будет наград.
Так, война тело сжигай – стало многим известно.
Он станет поэтом теперь, и быстрее назад.

Вечный солдат

Ты за мною следишь, Ты меня не оставишь в покое.
Не положен мне отпуск и пенсий спасительный круг.
Ты протёр микроскоп – я распят, как на плотике в море.
Ты и суд, и любовь – мой заклятый и преданный друг.

Я всегда под прицелом и жёстких, и странных приказов.
Давит свет на меня, наполняет в пути паруса.
Добровольное рабство любви – нет надёжней спецназа.
Мне каштаны таскать из огня на Твои небеса.

Не страшны мне болезни – ничем никогда не болею,
Ни голодные звери, огонь, ни в горах камнепад.
А когда я умру наконец, ведь, как все, я старею,
В новом теле вернусь – я всегда возвращаюсь назад.

Дальше ангел скажет

- Восславьте славных, дайте силу сильным!
- А может, слабым силу дать нужнее?
- Богатым стань, богач, будь мудрым, гений.
- Несправедливо так. – Но так вернее.

Желаю веры тем, кто верой мерит.
Любви желаю тем, кто любит страстно.
Пусть правда. Дай тому, кто правдой дышит.
Тот, кто не дышит, тот не ценит правду.

- Вот как мне быть теперь? Под звон капли
Во снах моих два ангела запели?
Всё смотрят мне в глаза, как что-то ищут.
Прошу их дать, но нет – не слышу истин.

– Так ты желай понять их. Ангел – сила,
Что Бог нам шлёт. Его знаменья святы.
Усилий просит жизнь – твоих усилий.
Ответ придёт, найдёт тебя когда-то.

- Не мне понять их, слаб я – просто нищий.
- Но подвиг твой так нужен силе высшей!
- Ты только шаг, ты рот открой – усилия...
- А дальше? – Дальше ангел скажет. Слышишь?

Манифест веры

Я верю, что есть Бог. Он создал всех и любит,
А время и тоска не будут здесь всегда.
Я верю, есть душа – она в раю пребудет.
Душа на всех одна – свеча, мечта, звезда.

Желания вокруг – от сердца жизнь до кожи.
Все тянут под себя. С глазами связан мозг.
И зря живут, всё зря. На грязных мух похожи.
А суть души – дарить и с телом строить мост.

У каждого в душе свой корень, место, память.
И смысл рожденья тел – узнать, исправить зло.
А формы – суть тела, не вечны, сгинут в замать.
Им свет лишь для себя, чтобы вокруг тепло.

Не жаль в земле уснуть – зерно теряет форму.
Но вечна жизнь души, и в этом мира суть.
И высший свет войдёт, исправив, всё исполнит.
Я Торы смысл раскрыл всего за пять минут.

Я верю, что есть Бог, и я восславлю Бога.
Исчезнуть всем телам, воскреснуть и пропасть.
Над пропастью ищи к душе свою дорогу.
Желай в себе понять, кому даёшь ты власть.

Двуединство

Я смотрю на Тебя, изучаю, вовнутрь проникая.
Я Тебя обвиваю, пронзаю, пыгаю и глажу,
И бросаюсь, бросаю, любя, попадаю и мажу,
И сливаюсь с Тобою, бурлящей тоской обтекаю.

Ты глядишь на себя из меня и меняешь мне мысли,
Не себя изучая – себя-то Ты знаешь дословно.
Ты художник души моей – это, увы, безусловно.
В Твою честь мои боли и страхи, и муки, и жизни.

Ты знаток – Тебе ясно, что нужно и можно исправить,
И пытаешься сделать работу свою осторожно.
Так, чтоб стоном моим не рассыпать созвездья на звёзды,
Чтоб я думал, что сам управляю – как трудно лукавить.

Ты меняешь мне роли: то принц в ожиданье престола,
То стоит, замерзая, голодный на паперти нищий,
То солдат ловит блох, то красавица смотрит на прыщик,
То я вор перед казнью, и всё уже к казни готово.

Я играю с Тобой в изначально краплённые карты,
Но лишь только взгляну на прижатую к сердцу колоду,
Ты увидишь их – взглядом моим ведь владеешь свободно.
Дохожу до экстаза, про всё забывая в азарте.

И тогда я бросаю, не глядя на жизнь, и Ты встанешь.
И бросаюсь в огонь, закрывая собой, своим телом.
Изумляю Тебя я душой, что так рано взлетела.
Ты забудешь колоду, жалеешь, и любишь, и гладишь.

Сделаешь, Ты – Бог

Всё, что обещал, сделаешь, Ты – Бог.
Жизнь, что Ты мне дал, вынесешь из бурь.
Крик мой на губах вылетел и смолк.
В прах упал к ногам, прямо на бегу.

Прах развеял смерч Божьего огня.
Миг костров из тел, вечность жизни душ.
Времени предел – двери для Тебя.
Пуст Тебе Париж, Франция вся – глушь.

Громко я кричу. Начал и не смог
Трепет свой унять. Сделаешь, Ты – Бог.
Крик моей души в Книгу запиши!
Выточь, прошу, песней из глуши.

Вытяни меня силою огня
В мир, где нет вранья, смерти, воронья.
Тихий голосок, сок моей души,
Света волосок болью в жизнь впиши.

Ошибся, с кем не бывает

Для артиста неизвестность – хоть повесься.
Неизбежное унынье и забвеньё.
Безвоздушность, бесполезность, незаметность
И нехватка упоенья отраженьем

В небесах, где пронестись, как буревестник,
В интервью, в газете, лучше на экране,
Выражая чьи-то мысли, чьи-то песни.
С неба вниз, в карман монеткою желаний.

А писатель не спешит взойти на сцену.
Он жонглирует словами на бумаге.
Вот раздону этот мир и вновь одену.
Весь в мозаиках страданий в полумраке.

Режиссёр, слова писателя заметив,
Лепит мысли на экране из артистов,
Эгоистов испугать вдруг ликом смерти,
Ослепить прохожих правдой жизни чистой.

А вокруг, пронзив карманы, мысли светом,
Ищет Бог среди монет, где золотые.
Он однажды словом создал всю планету.
Он напишет, Он придумает другие,

Где в ходу другие мысли и сюжеты,
Виртуальные писатели, артисты.
Извиваясь, разбегаясь новым светом,
В новых книгах жизнь дрожит честней и чисто.

Здесь победителей не судят

Без права на упрёк, на жалость, на сомненья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.